

В ситуации становления нового типа культуры, который характеризуется чрезвычайным ростом влияния информационных технологий на изменение мировоззрения в целом, необходимо переосмысление наукой специфики и природы мифа и роли мифологического сознания. Весьма актуально исследование степени влияния мифов на мышление, науку, политику и другие сферы культуры. Для того, чтобы продвигаться вперед в своем развитии, человеку необходимо освободиться от мифов XX в. — специфических продуктов процесса ремифологизации.

Литература:

1. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячами лицами. - К., 1997, с. 284-292.
2. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов. Бессознательное. Сборник. - Новочеркасск, 1994, с.159-167.
3. Барт Р. Мифологии / Перевод, вступ. ст. и коммент. С.Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашиных; 2-е изд., 2004.
4. Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. М., 1979. С. 9.

ГЛАВА IV. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бондарь Л.Д.

СЛАВЯНЕ И ПАНСЛАВИЗМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ РАБОТАХ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО ЛИНГВИСТА И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Публицистические работы российско-польского лингвиста-компаративиста, члена Российской академии наук (с 1897 г.) Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (по-польски *Jan Ignacy Nicislaw Baudouin de Courtenay*, 1845-1929) представляют собой отдельный пласт литературного наследия этого ученого. Одной из проблем, поднимавшейся в публицистических работах, был вопрос национальной и культурной принадлежности, национальной и культурной самоидентификации.

Для него как для поляка французского происхождения, большая часть научной деятельности которого была связана с Российскими университетами, это не могло быть праздным интересом. Ученый активно интересовался судьбами так называемых малых народов и угнетаемых наций. Этот интерес подпитывался не только и даже, вероятно, не столько обстоятельствами личного характера. Важную роль должен был сыграть и профессиональный фактор — область научных интересов исследователя. Свою научную деятельность И.А. Бодуэн де Куртенэ начал как диалектолог, когда после получения степени магистра Петербургского

университета и назначения на должность приват-доцента, он, по инициативе своего учителя И.И. Срезневского, был направлен в командировку в северную Италию и Австрию для проведения полевых изысканий по диалектологии и этнографии, изучив подробно 10 групп западно-южно-славянских (словенских и сербо-хорватских) говоров [1].

Среди публицистических работ по национальным вопросам, отдельный блок представляют собой статьи, посвященные проблеме славян. Эта проблема на рубеже XIX-XX вв. была весьма актуальна.

Оценивая современную ему ситуацию, ученый подчеркивал, что в определенное время среди представителей славян появилась тенденция нежелания признавать свою принадлежность к этой группе народов. В одной из своих статей И.А. Бодуэн де Куртенэ приводит высказанное в ярких метафорах мнение краковского лингвиста Яна Розвадовского: «Уже в детстве, когда он [славянский народ — Л.Б.] начал делать первые шаги в семье Европы, эта семья подала ему сладкую религию любви и прощения — но держа меч у горла. В молодую душу этого народа кинули такое страшное разногласие между провозглашаемой основой и исполненным делом, что она навсегда покрылась мраком и грустью. Что ж? Были слабее, так что их угнетали, так что со временем имя славянина даже стало означать раба» [2, с. 95].

И.А. Бодуэн де Куртенэ напоминал также о мнении некоего современного ему польского историка, без упоминания его имени (*nomina sunt odiosa*), отзывавшегося «с большим пренебрежением о “немых народах” вроде словаков, словенцев, сербов, болгар, албанцев и т.д.» И.А. Бодуэн де Куртенэ видел солидарность этой позиции, с одной стороны, с позицией известного немецкого историка Теодора Моммзена, призывавшего «своих “цивилизovaných” родственников к крушению черепов славянских варваров», с другой же стороны — с позицией немцев в венском парламенте, выразивших презрение к «*Tszcechen, Slovenen und andere minderwertige Nationalitäten*» [3, с. 45].

В такой ситуации пренебрежения по отношению к славянским народам или притеснения их другими народами (исключение в то время составляли, вероятно, только русские) обострилось, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, чувство принадлежности к славянам. Более того, в подобной политической обстановке *volens nolens* могли возникнуть идеи в духе панславизма: «...Подобно как антисемитизм порождает и поддерживает у евреев паниудаизм и сионизм, так и антиславизм... объединяет славян идейно при помощи панславизма». Появлению идей панславизма способствовала и психологическая особенность восприятия славян, на которую указывал ученый: «...Каждый славянин за то только, что является славянином, обвиняется в “панславизме”» [4, с. 118].

И.А. Бодуэн де Куртенэ привел красноречивый пример: когда известный словацкий славист В. Облак отправился в качестве стипендиата Императорской академии наук в Вене на Балканский полуостров для изучения македонско-славянских диалектов и был арестован турецким правительством, местного австро-венгерского консула не захотел о нем хлопотать, и когда В. Ягич обратил на это внимание австрийского министра просвещения, подчеркивая, что речь идет об австрийском же ученом, то услышал следующее: «*Wissen Sie, alle Slowenen sind ja Fanatiker*» [4, с. 103, прзур. 1].

В такой ситуации помимо воли могла пробудиться солидарность языковой «расы» и укрепиться панславизм. Без сомнения, подобным же образом оценивали

политическую ситуацию в Европе и власти крупных европейских держав, и призраком панславизма нарушал покой не одного европейского правительства.

Сам ученый, по его же собственному мнению, совпадающему с точкой зрения представителей краковской общественности, стал жертвой такого страха перед панславистами. Дело в том, что после окончания в 1866 г. Главной школы в Варшаве (отделение славистики историко-филологического факультета) И.А. Бодуэн де Куртенэ покинул Польшу для завершения образования в Германии и России и в течение ряда лет работал в российских университетах (Петербургском, Казанском, Дерптском). И вот в 1893 г. он стал членом Краковской Академии наук и получил контракт на должность профессора сравнительного языкознания в Ягеллонском университете г. Кракова. И хотя Краков в то время был галицийским городом, однако весь научный мир рассматривал Краковский университет и Краковскую Академию наук в качестве институтов польской науки. Так и для И.А. Бодуэна де Куртенэ это назначение должно было иметь особое значение [5].

Однако по истечении срока контракт с ученым не был продлен. Мнения относительно причин отказа в продлении контракта разделились. Академик А.А. Шахматов считал, что причиной стала «буря негодования», вызванная тем, что И.А. Бодуэн де Куртенэ был против подачи фиктивных сведений о плате за нанятую им квартиру для снижения налоговой ставки его домохозяина [6]. Более того, ученый опубликовал брошюру со своими рассуждениями на эту тему, рассмотрев вопрос со свойственной ему скрупулезностью и остротой высказываний [3].

Сам же И.А. Бодуэн де Куртенэ связывал отказ австрийских властей продлить контракт со своей поездкой в августе 1898 г. в словацкий городок Св. Мартин Турчанский, находившийся в то время на территории, подвластной венгерской короне, и являвшийся главным очагом интеллектуальной и политической жизни словаков. Там проводился ежегодный праздник Словацкого музейного общества и Женского общества «*Zivena*». Венгерские власти организовали надзор и контроль над проведением этого праздника, опасаясь распространения на нем панславистских идей. И именно И.А. Бодуэн де Куртенэ был обвинен в «панславистских агитациях». «Какое же преступление, – писал ученый, – я совершил на территории короны святого Стефана? Конечно, должен был агитировать и подстрекать словацки “панславистов” к бунту» [7, s. 81].

Для того, чтобы читатели могли получить полное представление о происшедшем, И.А. Бодуэн де Куртенэ, будучи человеком с обостренным чувством справедливости, составил для краковского журнала «*Przegląd Tygodniowy*» подробный отчет о проведении этого праздника и своем пребывании в Словакии, детально описав ход торжеств, назвав его главных участников, а также перечислив предпринятые местными властями меры по контролю над проведением мероприятия, изобразив при этом нелепую фигуру местного старосты, который во все время официального обеда сидел на галерее и «прислушивался очень внимательно, приложив обе руки к ушам, так чтобы не пропустить ни слова» [7, s. 84]. А также комичные фигуры полицейских, прятавшихся в кустах во время неформальной товарищеской забавы на природе. Поводов для обвинения кого-либо в «панславистской агитации».

Для И.А. Бодуэна де Куртенэ приглашение на праздник было лишь поводом для поездки в Словакию. Истинный же интерес представляла для него возможность диалектологических исследований на этой территории. Для упреждения могущих

возникнуть подозрений ученый, прибыв в этот город, явился к местному старосте, чтобы представиться и объяснить причину своего приезда на эти земли. «...Это была большая наивность с моей стороны, – пишет И.А. Бодуэн де Куртенэ, – поскольку именно эта моя вежливость не могла уместиться в голове» местных властей; «так, меня избрали козлом отпущения и на мне решили отыграться за неудавшуюся попытку укрощения “панславистского бунта”» [7, s. 86]. И это несмотря на то, что ученый «не только не проводил никакой агитации, не только ни разу не выступал с речами и не произносил ни одного тоста, но даже практически без устали молчал» [7, s. 83].

Это событие получило широкий резонанс в прессе. И.А. Бодуэн де Куртенэ пишет, что упоминавшийся выше местный староста распространил сплетню, что в связи с «панславистской агитацией» ученого на него к властям была направлена жалоба. «Эта утка в корреспонденции дошла до пештских газет, а отсюда разлетелась, как телеграмма, на все стороны света... Всем этим искусно приукрашенным газетным сплетням положили конец мои опровержения и объективные разъяснения, опубликованные в одной из краковских и в одной из венских газет, вслед за которыми это повторили и некоторые другие» [7, s. 87]. Венгерские газеты клеймили ученого за его «действия, угрожающие целостности великого “*Magyar-orszag*”», и общественная мысль в отношении постановления венского министерства, принявшего решение о непродлении контракта с И.А. Бодуэном де Куртенэ, видела влияние будапештского правительства. Даже краковская «*Gazeta Polska*» (№ 35) опубликовала «драгоценную статью... с выражением благодарности венгерским властям, которые “по собственной инициативе” освободили Краков от столь вредоносной особы» [7, s. 81].

Однако главную причину шумихи, возникшей вокруг его персоны, ученый видит в явлении, о котором он писал неоднократно в связи с самыми разными событиями. Речь идет о явлении, которое И.А. Бодуэн де Куртенэ называл «смешением понятий». «Вместо досконального разбора понятий, – пишет ученый, – и их точного определения мы поддаемся... господству чисто словесных ассоциаций и вызванных этим впечатлений» [4, s. 101]. В данном случае это понятия «славист» и «панславист». «Вот, – удивляется ученый, – прошу только подумать: славянин, славист, панславист – это ведь одно и то же» [4, s. 101]. Так, и в отношении своей поездки в Словакию И.А. Бодуэн де Куртенэ предположил, что поводом для обвинения его в панславистской агитации могли стать сведения, почерпнутые из местной словацкой газеты, что И.А. Бодуэн де Куртенэ является славистом [7, s. 87].

К проблеме панславизма ученый вновь был вынужден вернуться несколько позднее в связи с исключительно научными событиями. Еще в 1899 г. среди доцентов и профессоров Пражского университета возникла идея созыва международного съезда ученых-славистов. Несмотря на то, что практически все слависты дали свое согласие на участие в этом научном мероприятии, проект не был реализован по причинам организационного характера. Однако идея созыва такого съезда была подхвачена Вторым отделением (Отделением русского языка и словесности) Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. В связи с чем в Санкт-Петербурге в апреле (10/23-15/28 апреля) 1903 г. состоялся предварительный съезд русских филологов (съезд носил организационный и подготовительный характер), а на август-сентябрь 1904 г. был запланирован международный съезд славянских филологов и историков. Съезд не состоялся ввиду разразившейся

войны, однако это мероприятие успело вызвать вокруг себя шумиху в польской прессе, на что И.А. Бодуэн де Куртенэ ответил целым рядом статей в журнале «Kraj». Ученый был вынужден защищать исключительно научный характер этого мероприятия, не имевшего ничего общего с идеями панславизма [8].

Столь горячие выступления в прессе в защиту как своей личной позиции, так и науки, которой он принадлежал, были вызваны устойчивыми убеждениями И.А. Бодуэна де Куртенэ, для которого были абсолютно неприемлемы какие бы то ни было «панизмы» (по его собственному выражению). Он подчеркивал, что для него одинаково смешны и «Alldeutsche», и «всеполяки», и панслависты [4, s. 116]. «Лично меня, - пишет ученый в другом месте, - совершенно не интересуют "братья славяне", и только за то, что являются славянами, не заслуживают в моих глазах особого отличия. Если, например, венгры или пруссы угнетают "братьев славян", я стою на стороне славян. Но если те же "братья славяне" угнетают и преследуют немцев, финнов, литовцев, армян, евреев, китайцев,.. я всей душой на стороне притесняемых» [4, s. 122].

В первую очередь, И.А. Бодуэн де Куртенэ возмущал воинствующий панславизм. Ученый указывал на то, что на политической арене панславизм встречается «у отдельных личностей с постоянным сентиментальным настроем, жаждущих пригреть угнетенных "братьев" в своем лоне... даже против их воли, с помощью оружия и штыков». «От такого сентиментального панславизма, - заключает ученый, - напоминающего сентиментальность крокодила, доносится запах крови и свежего мяса» [4, s. 114].

Вместе с тем И.А. Бодуэн де Куртенэ выделял и другую категорию «всенародностей» и «всеплеменностей», которые могут появляться «не только у тех, кому много дано и воздастся, но и у тех, которым дано мало, но и это малое должно быть отобрано». У таких народов возникновение соответствующих «панизмов» является средством защиты против преследования: у кельтов возникает панкельтизм, у литовцев – панлитвинизм, у армян – панармянизм, у евреев – паниудаизм. Так, и ряд славянских народов: словаки, словенцы, лужане, славяне в Италии, - были в те времена, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, самыми ярыми и убежденными панславистами, что поддерживало их в их борьбе за права языка и народа [4, s. 116-118].

Однако И.А. Бодуэн де Куртенэ протестовал не только против воинствующего панславизма, но и против такого проявления «всеславяинства», которое он обозначил как «платонический» панславизм. Ученый так объясняет этот термин: «... "Платонический" панславист остается панславистом *in petto*, не накладывая захватническую лапу на чужую собственность, не "призывая к действию". Он только "полюбил братьев славян" и одаряет их большей "любовью", чем других более отдаленных и менее привилегированных ближних». И далее: «"Платонический" панславизм может быть идентифицирован со славянофильскими мечтаниями или со славянофильством» [4, s. 112; 118].

И.А. Бодуэн де Куртенэ в своих рассуждениях пошел дальше и доказывал, что панславизм, по меньшей мере, нелогичен. По его глубокому убеждению «нет такой бессодержательной фикции, как некий "монолитный организм" всего славянства»: с позиций антропологии нельзя говорить о существовании единой славянской расы; с позиций этнографии и фольклора нельзя «свести к общему знаменателю» ни обычаи, ни представления о мире, ни поэтическое творчество, ни народное искусство разных славянских народов; не может быть речи и о славянской

литературе как некоей целостности, которую можно противопоставить другим литературам; нет, наконец, отдельной истории славян в отличие от истории остального человечества [4, s. 113].

Единственным «цементом», связывающим эти группы людей в единое целое, является язык. Единый монолитный славянский мир, подчеркивает ученый, существует только в языковом отношении, хотя и здесь просматриваются «существенные различия и отражение племенных и культурных связей с неславянами» [4, s. 113; ср. 8, s. 136].

Вместе с тем ученый не был склонен отрицать, что любая схожесть языков вызывает иллюзию «единства и монолитности также с других точек зрения»: «...Приятно услышать язык не только собственный, но даже на него похожий. В таких случаях проявляется стихийный "панславизм", панславизм языковый, панславизм практически зоологический». В качестве примера И.А. Бодуэн де Куртенэ рассказывал, как он во время своей диалектологической экспедиции 1895 г. к славянам в провинции Гампобассо в южной Италии, встретив двух местных жителей, обратился к ним по-сербохорватски. Услышав звуки славянской речи, они несказанно обрадовались, крича: «Наш брат! Наша кровь! Славянин!» [4, s. 114].

Однако тут же И.А. Бодуэн де Куртенэ рассуждает о другой ситуации: «Но уже с меньшей радостью поляк из Царства Польского и из западных губерний слышит "братский" русский язык, и наоборот местный чиновник преследуемый им "говор" *безмозглого поляка*. Так, здесь стихийный панславизм проявляется с несколько меньшей силой» [4, s. 114]. Ученый приводил также примеры того, как славянофильствующие славянские государства притесняли другие неславянские языки, не позволяя говорить на них, выгоняя за это детей из школ, не разрешая посылать телеграммы на других языках и т.д. Другие примеры – это обращение славян друг другом в свою веру, сопровождавшееся кровопролитием. «В связи со всем этим, - заключает ученый, - говорить о какой-либо особой любви славян друг к другу как об основе панславизма, - это ложь и лицемерие» [4, s. 119].

И в завершении, применительно к изложенному выше материалу, кажется уместным привести цитату И.А. Бодуэна де Куртенэ, которой ученый завершил цикл своих статей, посвященный планировавшемуся съезду славистов: «...Съезд славистов был отложен в связи с войной. Так, все дискуссии на эту тему стали сейчас беспредметными. Но могут пригодиться на будущее» [8, s. 139].

Литература:

1. Бондарь Л.Д. И.А. Бодуэн де Куртенэ: исследования по диалектологии и этнографии // Полевая этнография: Материалы международной научной конференции / Под ред. В.А. Козьмина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 272-277.
2. Baudouin de Courtenay J. Puszkín w Krakowie // Dziennik Poznański. 1899. Nr. 142-144 (Baudouin de Courtenay J. Dzieła wybrane. T. VI. Warszawa, 1983. S. 89-99). В том случае, когда в настоящей работе дается ссылка на статью И.А. Бодуэна де Куртенэ, которая была повторно опубликована в сборнике, описанном в данном пункте, то в библиографическом списке будет даваться полное описание первого издания, а также в скобках – страницы работы в сборнике; в тексте ссылка дается на страницы сборника.
3. Baudouin de Courtenay J. Jeden z objawów moralności oportunistyczno-prawomyślniej. Kraków, 1898 (DW. T. VI. S. 42-59).
4. Baudouin de Courtenay J. O zjeździe slawistów i panslawizmie "platonicznym" // DW. T. VI. S. 100-123.
5. Бондарь Л.Д. И.А. Бодуэн де Куртенэ в университетах России и Польши // Польская интеллигенция в Сибири XIX – XX вв.: Сб. материалов межрегиональных тематических чтений «История и культура поляков Сибири» 2006-2007 гг. Красноярск, 2007. С. 61-68.

6. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 429. Л. 8-9.
7. Baudouin de Courtenay J. Wspomnienia z niedawnej wycieczki do Słowaków // Przegląd Tygodniowy. 1899. Nr. 18-19 (DW. T. VI. S. 81-88).
8. Baudouin de Courtenay J. Zjazd slawistów a "Głos Młodzieży" // Kraj. 1904, Nr. 1; 3; 5; 12 (DW. T. VI. S. 124-139).